Серия «Ревность»

Книга 3

Лучшая

Как перестать сравнивать себя с подругой

Юлия Стэфани Херрера

Юлия Стэфани Херрера

Лучшая. Как перестать сравнивать себя с подругой

«Автор»
2026

Херрера Ю.

Лучшая. Как перестать сравнивать себя с подругой /
Ю. Херрера — «Автор», 2026

Катя знает о жизни лучшей подруги почти всё. Какое платье ей подойдёт, когда нужно приехать на помощь и что сказать, чтобы она улыбнулась. Они дружат двадцать шесть лет. Но почему рядом с Леной Катя всё чаще чувствует себя человеком, которого поставили на второе место?Лена снова выходит замуж. Катя помогает готовить свадьбу, слушает бесконечные голосовые сообщения, составляет списки и убеждает себя, что искренне рада за подругу. И она действительно рада. Только вместе с радостью приходит зависть, в которой стыдно признаться даже себе.Когда-то одна из них стала яркой и смелой, другая — умной и надёжной. С годами эти роли превратились в правила, которые никто не обсуждал. Теперь Кате предстоит понять, почему ей так трудно говорить «нет» и чего она сама хочет от своей жизни.«Лучшая» — третья книга серии «Ревность». Психологическая проза с авторскими разборами, примерами разговоров и практическими упражнениями. Можно ли перестать соревноваться с подругой, не разрушив дружбу?

© Херрера Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Звонок 6
Глава 1. Звонок 6
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Лучшая. Как перестать сравнивать себя с подругой

Херрера Юлия Стэфани
Серия «Ревность». Книга третья
Лучшая
Как перестать сравнивать себя с подругой
16+

Часть первая. Звонок

Глава 1. Звонок

Во вторник в начале августа Лена звонит в обед.

Катя в это время сидит над правой рукой клиентки. Ирина Петровна, пятьдесят четыре года, бухгалтер, ходит к ней с открытия салона. У неё чувствительная кожа, и она каждый раз говорит: «Катюш, ну ты аккуратненько».

— Аккуратненько, — говорит Катя.

Она работает и смотрит.

Она привыкла замечать руки: след от кольца, обломанный угол ногтя, сухую полоску вдоль кутикулы. Иногда клиентка сама рассказывала, откуда взялась царапина или почему сняла кольцо. Катя старалась не спрашивать, пока ей не рассказывали.

Ирина Петровна носит кольцо двадцать девять лет. Полоски нет. Кольцо сидит плотно, как будто вросло.

— Отпуск был? — спрашивает Катя.

— Был. В Анапе. — Ирина Петровна вздыхает. — Внук первый раз в море зашёл и сразу орал.

Телефон на полке вибрирует и ползёт к краю. Катя смотрит: «Лена».

— Извините, — говорит она. — Я отвечу, это подруга.

— Конечно.

Катя стягивает перчатку, берёт телефон левой рукой, правую держит в воздухе.

— Привет.

— Катька. — Голос у Лены такой, как будто она бежит. — Я выхожу замуж.

Катя смотрит на свои пальцы в воздухе.

— Ты выходишь замуж.

— Двенадцатого октября. ЗАГС предварительно в три, потом ресторан. На шестьдесят человек. — Лена выдыхает. — И я хочу, чтобы ты была свидетельницей.

В салоне играет радио, за окном кто-то сигналит, Ирина Петровна деликатно смотрит в стену.

— Кать?

— Да, — говорит Катя. — Да, конечно.

— Ты не рада.

— Рада. — И это правда. Остальное она ещё не успела разобрать. — Просто у меня клиентка.

— А. — Лена смеётся. — Тогда я тебе вечером позвоню. Ты не представляешь, там такой ЗАГС, там колонны, я тебе покажу.

— Покажешь.

— Всё, целую.

Катя кладёт телефон на полку экраном вниз.

— Подруга замуж выходит, — говорит Ирина Петровна.

— В третий раз.

— О. — Ирина Петровна поднимает брови. — А вы давно дружите?

— С восьмого класса.

— Это сколько же?

Катя считает автоматически, как считает всё.

— Осенью будет двадцать пять лет.

⁂

Вика, второй мастер, узнаёт через час.

Вике двадцать четыре, она работает у Кати полтора года, делает покрытие ровно и быстро, и у неё есть свойство: она говорит то, что думает, без подготовки.

— Опять? — говорит она.

— Что «опять»?

— Ну. — Вика пожимает плечами. — Третий же.

— И что?

— Ничего. — Вика вытирает кушетку. — Просто третий раз — это уже не свадьба, а ремонт.

Катя смеётся, потому что это смешно.

Потом весь день думает об этой фразе.

⁂

Вечером она сидит на кухне и считает.

Катя открывает заметку «Свадьба». Пока там только дата и адрес ресторана.

Платье — не меньше тридцати. Туфли — пять-семь. Подарок — конверт, тысяч пятнадцать, меньше нельзя, это Лена. Девичник — скажут. Парикмахер, макияж — шесть. Маникюр она сделает сама, это единственное, на чём можно сэкономить.

С запасом получается около шестидесяти тысяч.

Катя смотрит на цифру.

В июле она заработала сто двадцать восемь тысяч. Из них аренда — тридцать восемь, материалы — двадцать две, налоги и взносы — одиннадцать, зарплата Вике — сорок. Остаётся семнадцать. Слава приносит пятьдесят пять. Ипотека — двадцать семь. Машина, страховка, продукты, лекарства его матери.

Она сидит и считает, и в какой-то момент ловит себя на том, что считает не деньги, а годы.

Слава приходит в девять, с работы, пахнет бензином и руками.

— Ты чего такая?

— Лена замуж выходит.

— Опять? — говорит он и сразу: — Ой. Извини.

— Ничего. — Катя убирает телефон. — Я свидетельницей.

— Поздравляю. — Он садится, смотрит в тарелку. — А это дорого?

— Что?

— Ну. Свидетельницей быть.

Катя смотрит на него.

— Платье надо, — говорит она. — И подарок.

— Сколько?

— Не твоё дело.

Он поднимает голову.

— Кать.

— Что?

— Я просто спросил.

— Я знаю. — Она встаёт и ставит чайник, хотя чай никто не просил. — Просто я не хочу это обсуждать.

Он молчит. Потом говорит:

— Ладно.

И уходит в комнату.

Катя стоит у плиты и держит чайник, который уже не нужен.

⁂

Первая свадьба была в мае две тысячи седьмого.

Кате был двадцать один. Лена выходила за Тимура — тридцать два, рынок, золотая цепочка, «я всё решу».

Платье Катя купила за шесть тысяч. Сиреневое, с широкой юбкой. Оно ей не шло. Она знала, что не шло, и всё равно купила, потому что в нём была похожа на свидетельницу из журнала.

На свадьбе она сидела слева от невесты, держала букет, пока Лена поправляла платье, и говорила тост, который репетировала неделю.

Тост был хороший. Она до сих пор помнит первую фразу: «Я знаю Лену со школы и могу сказать точно: она всегда знает, чего хочет».

Это была правда. И это была самая завидная вещь на свете: всегда знать, чего хочешь.

⁂

Они познакомились в восьмом классе, в октябре, перед геометрией.

Катю перевели из другой школы, потому что в прежней она стала «слишком много о себе понимать» — так сказала завуч, а мать сказала короче: «Тебя там травили, я не дура».

В новой школе первый день был как первый день: все уже друг друга знали, все уже разбились на пары, и Катя стояла в коридоре с рюкзаком и не знала, куда идти.

Лена подошла сама.

Она была из тех, кто подходит сам: высокая, с чёлкой, с джинсовой курткой на два размера больше, чем надо, и с такой уверенностью, будто школа — это её квартира.

— Ты новенькая? — сказала она. — Пойдём, у нас в кабинете окно открывается.

Прошло двадцать пять лет, а Катя помнит, что именно её подкупило: «у нас в кабинете окно открывается». Лена сразу сказала про вещь, которой можно было воспользоваться вдвоём.

Дальше всё было быстро. Лена ввела её в свою компанию, объяснила, кто с кем дружит и кого нельзя спрашивать про отца, дала списать алгебру, а через месяц они уже шли домой одной дорогой, хотя Кате было в другую сторону.

И где-то в этом месяце распределились роли.

Катя не помнит дня, когда это случилось. Она помнит результат: Лена — красивая, Катя — умная. Лена — та, на кого смотрят. Катя — та, кто знает ответ. Лена — звезда. Катя — та, к которой приходят плакать.

Это не обсуждалось. Это просто стало так, и обеим казалось, что так правильно.

⁂

В середине сентября Лена зовёт её смотреть квартиру.

Патриаршие, пятый этаж, лифт с зеркалом. Катя входит и первым делом снимает туфли, хотя ей говорят «да не надо».

Сто двадцать метров, три комнаты, окна во двор. Ремонт сделан до них: серый, ровный, без единой вещи, которая что-то помнит.

— Это всё Марк, — говорит Лена. — Я бы никогда.

Катя ходит по комнатам и трогает стены. Стены гладкие, как в клинике.

— А ты как? — спрашивает Лена, когда они садятся на подоконник, потому что мебели ещё нет.

— Нормально.

— Как салон?

— Работает.

— А Слава?

— Работает.

Лена смотрит на неё.

— Ты какая-то.

— Какая?

— Не знаю. — Лена пожимает плечами. — Как будто тебе неинтересно.

Катя смотрит в окно, где во дворе женщина выгуливает собаку размером с кошку.

— Мне интересно, — говорит она. — Просто у меня сейчас период, когда я всё считаю. Деньги, дни. Наверное, возраст.

— Тебе тридцать восемь.

— Вот именно.

Лена молчит. Потом говорит:

— Кать. Ты мне нужна.

— В смысле?

— В смысле на свадьбе. — Она подтягивает колени. — Я одна не справлюсь. Ты же умеешь всё это — списки, тайминги, кто за кем. Я в этом смысле как ребёнок.

— Умею, — говорит Катя.

— Вот. — Лена улыбается. — Поэтому ты и свидетельница.

Катя смотрит на неё и думает: она только что сказала, за что меня любит. За списки и тайминги.

⁂

В конце сентября Лена приходит в салон.

Она записывается заранее, как все, но опаздывает на двадцать минут, и Катя уже начинает злиться — а потом видит её в дверях и злиться перестаёт, потому что так устроено двадцать пять лет.

— Извини. Пробки.

— Садись.

Лена садится, кладёт руки на подставку, и Катя берёт их в свои.

Это единственный момент, когда они меняются местами. Лена не может встать и уйти, не может жестикулировать, не может рассказывать руками. Она сидит и говорит, а Катя держит её ладони и работает.

— У тебя кожа сухая стала, — говорит Катя.

— Это нервы.

— Может, руки мёрзнут? Ты ведь много ходишь пешком.

— У меня посудомойка.

— Тогда не знаю. Могу подобрать покрытие, которое не подчеркнёт сухость.

Лена смеётся.

Потом говорит:

— Кать.

— М?

— А ты счастлива?

Катя поднимает глаза. Пилочка останавливается.

— В смысле?

— Ну вообще. — Лена смотрит на свои руки. — Ты никогда не рассказываешь.

— Я рассказываю.

— Ты рассказываешь про салон. — Лена пожимает плечами, насколько может. — Про Славу ты не рассказываешь.

Катя возвращается к ногтю.

— У нас всё нормально.

— Я не спросила, нормально ли. Я спросила, счастлива ли.

Катя думает.

— Я не знаю, — говорит она. — Я не думала в этих словах.

Лена молчит.

— Это плохой ответ, — говорит Катя.

— Это честный.

⁂

Вечером звонит мать.

— Ну что, Ленка-то замуж?

— Замуж.

— В третий. — Мать вздыхает с уважением. — А ты?

— Что я?

— Ничего. — Пауза. — Ты у меня умная.

Катя стоит с телефоном в руке.

«Ты у меня умная» мать говорит ей с тринадцати лет. Катя слышит в этих словах вторую половину: «зато умная». Мать её ни разу не произносила.

— Спасибо, мам.

— Не за что. — Мать шмыгает носом. — Ты только не сравнивай себя с ней. У неё своя жизнь, у тебя своя.

— Я не сравниваю.

— Ну да.

⁂

На другой вечер Лена присылает десять фотографий ЗАГСа.

Колонны, лестница, люстра. Катя листает и пишет: «Красиво».

Потом Лена присылает голосовое. Четыре минуты двенадцать секунд.

Катя нажимает и слушает.

Лена рассказывает про платье, про то, что не может найти туфли, про то, что мать Марка хочет позвать двоюродную сестру из Твери, которую никто не видел двадцать лет, и про то, что она боится, что будет жарко.

Катя слушает и в какой-то момент замечает, что не дышит.

Она делает вдох.

Она замечала за собой такое и раньше: когда Лена рассказывает без пауз, Катя как будто готовится что-то вставить, но ни разу не вступает.

Она ставит телефон и смотрит в окно.

За окном двор, фонарь, машина Славы, припаркованная криво, как всегда.

Она берёт телефон и открывает переписку с Леной.

Пролистывает вверх.

Голосовые, голосовые, голосовые. Лена почти не пишет текстом, она говорит. Катя листает и видит даты: июль, июнь, май, апрель, март.

Она останавливается.

Она смотрит на длительность сообщений и переносит числа в заметку. Темы пока не записывает.

За год — двести тринадцать голосовых. Общей длительностью одиннадцать часов сорок минут.

Катя смотрит на цифру.

Одиннадцать часов сорок минут — почти полторы восьмичасовые смены. Она ещё не решила, что измерила этой цифрой.

Она не знает, что с этим делать. Она не знает, зачем посчитала.

Она закрывает заметку и идёт чистить зубы.

⁂

На следующий день к половине десятого приходят двое монтажников. Один держит под мышкой свёрнутый плакат, второй несёт стремянку. Катя видит их из окна, быстро сдвигает горшок с алоэ и выносит на крыльцо мусорное ведро: больше некуда поставить ногу стремянки.

От утреннего дождя плитка сырая. Монтажник подкладывает под ножку резиновый коврик из машины.

— Покажите, где будет цена, — говорит он.

Катя удивляется. Она заказывала вывеску с часами работы и фотографию для нижней части окна. О цене в переписке не было ни слова. Монтажник разворачивает плакат прямо на плитке. В углу полукругом идут буквы: «Покрытие от 990 рублей». Сверху — рука с белыми ногтями на фоне бокала. Ногти настолько длинные, что за них, наверное, неудобно браться, когда надо застегнуть молнию на куртке.

— Это не наш макет.

Монтажник показывает ей экран. Номер заказа совпадает, адрес тоже. Файл называется «Финал». Катя помнит этот файл. У неё в телефоне был «Финал», в почте — «Финал с окном», у девушки из типографии — ещё какой-то вариант, с квадратным логотипом. Вчера в конце дня девушка попросила подтвердить, что приехать можно утром. Катя ответила «да», не открыв прикреплённую картинку.

— Если вы наклеите, снять можно?

— Можно. Но второй раз этот уже не поставишь.

Из салона выходит Вика. Она держит две бумажные чашки и одну протягивает Кате, не глядя на неё. Катя берёт и едва не обливается: чашка прогнулась под пальцами. Вика наклоняется над изображением.

— Где они такую руку нашли?

— В интернете.

— А наши тогда зачем снимали?

Они снимали руки Вики в июле, после последней записи. За окном ещё было светло, но в салоне Катя выключила верхнюю лампу, чтобы на покрытии не отражались полоски. Вика сидела у окна, держа плоскую стеклянную баночку. На ногтях был глухой вишнёвый цвет, который Катя сначала отложила как слишком тёмный для витрины. Потом Вика взяла его для себя. На фотографии было видно, как в стекле от банки повторяется цвет, и почти не видно остального: ни колец, ни манжеты, ни вещи, которую хотелось бы купить вместе с лаком.

Катя звонит в типографию. Девушка отвечает сразу, проверяет переписку и признаёт, что отдала в печать пробный вариант. Потом напоминает про вчерашнее «да». Катя уже готова сказать: ладно, давайте повесим и забудем. Двое людей стоят под окном, у девушки, судя по голосу, кто-то ещё ждёт на линии, и через двадцать минут придёт первая клиентка. Все обстоятельства как будто складываются в пользу белой руки с бокалом.

— Девятьсот девяносто у нас стоит снятие и обработка, — говорит Вика, когда Катя прикрывает микрофон. — Если кто-то придёт за покрытием по этой цене, ты что ему скажешь?

Катя смотрит на надпись. Она может купить ещё одну наклейку и закрыть цену. Или попросить обрезать нижний угол. Можно оставить фотографию и сделать вид, что так и задумано. Она пробует представить, как вечером садится на остановке напротив и видит через дорогу руку, которую ни разу не брала в свою. Эта картинка её раздражает. Причём раздражает не только цена.

— Мы не будем это вешать, — говорит она в телефон. — Перешлите мне сейчас файл с вишнёвым покрытием. Я открою и подтвержу именно его.

Девушка спрашивает, успеет ли Катя принять монтажников ещё раз сегодня. Катя отвечает: завтра. Девушка говорит, что завтра машина занята. Катя предлагает пятницу и обещает не закрывать переписку, пока не увидит нужную картинку. Переговоры длятся минуты три. Монтажник за это время успевает сложить стремянку. Второй сворачивает лист, и белая рука исчезает в трубе.

Вика идёт за ним к машине, чтобы забрать резиновый коврик. Катя хочет окликнуть её: коврик не их. Потом видит, как монтажник достаёт из кабины маленькую сумку, которую

оставил на крыльце, и Вика передаёт ему коврик, а он ей сумку. Оказывается, там всё уже решено без неё.

В половине двенадцатого приходит новый файл. Катя увеличивает картинку и замечает, что фотографию обрезали так, что от банки осталось только белое пятно. Она пишет девушке, просит показать весь кадр. Та присылает три варианта. В среднем баночка целая, а рука сдвинута немного в сторону: справа есть место для часов работы. Катя тянется к чату с Леной. Пять лет назад она спросила её, какого цвета сделать табличку на двери, и Лена ответила с примером, ссылкой и телефоном человека, который делает такие таблички. За десять минут. С тех пор Катя отправляет ей все вещи, которые касаются оформления.

Сегодня чат открывается на десяти фотографиях колонн. Вчерашняя переписка заканчивается фразой Кати «Красиво». Ей совершенно не хочется сейчас отвечать на встречный вопрос, почему такой тёмный оттенок и нельзя ли подобрать светлее. Она закрывает чат, возвращается к макету и подтверждает средний.

Они с Викой обедают по очереди. У Вики в контейнере гречка, у Кати вчерашний хлеб с сыром. В четыре звонит новая клиентка, спрашивает, может ли прийти в четверг в восемь пятнадцать: раньше не успеет с работы. Катя смотрит на свободное место в самом конце экрана. Место свободно потому, что салон закрывается в восемь. Это почему-то не мешало ей раньше видеть в нём время для записи.

— В четверг в семь есть, — говорит она. — Если позднее, могу предложить субботу.

Клиентка спрашивает, нельзя ли всё-таки в восемь пятнадцать, ей только снять покрытие. Катя едва не соглашается. Она умеет снять покрытие быстро, и женщине будет удобно. Но у неё ещё стоят в ушах слова Вики, сказанные перед обедом: «Когда ты остаёшься, я не знаю, надо ли мне остаться тоже. Я ухожу и потом думаю, что бросила тебя одну».

— В четверг не получится, — говорит Катя.

Женщина берёт субботу. Удивительно, что суббота никуда не делась, пока они разговаривали. Катя заносит её имя, проверяет номер и кладёт телефон на зарядку.

— А если Ирина Петровна попросит после восьми? — спрашивает Вика.

Катя прикидывает. Ирина Петровна попросит: у неё скоро отчёт, а она не любит переносить запись с четверга. Если Катя уступит, Вика ничего не скажет. Она вообще умеет замолкать с таким выражением лица, что хочется снова начать объяснять.

— Буду предлагать другой день, — отвечает Катя. — Если кого-то уже записали на вечер, оставляем. Новых записей после восьми не берём.

— А если клиентка опоздала?

— В следующий раз закончим раньше того, что она хотела, или перенесём. Посмотрим, сколько времени осталось. Только не начинай с «Катя не разрешает».

— А чем начинать?

— «До закрытия полчаса». Это правда, и мне даже не надо рядом стоять.

Вика повторяет фразу вполголоса, как иногда повторяет название нового покрытия, чтобы правильно произнести его клиентке. Потом берёт бумажку, на которой рисовала будущий маникюр, и записывает на обороте часы работы для пятничной вывески. Катя видит, что она оставила воскресенье пустым. Хочет поправить. В воскресенье часто звонят, особенно перед праздниками, и несколько раз они открывали на два часа. Но Вика не ошиблась: на двери и сейчас написано, что воскресенье выходной.

Перед закрытием им звонят из типографии: к нужной фотографии надо прислать шрифт с прошлой вывески. Катя ищет его на старой флешке, находит папку с фотографиями ремонта. На одной Вика ещё не работает, второе кресло стоит в целлофане, а Катя отражается в стекле с рулеткой в руках. На другой кресло уже распаковано, но провода от лампы тянутся через весь пол. Она листает дальше и доходит до шрифта. Снимок с рулеткой оставляет открытым. Вика, проходя мимо, показывает пальцем на ящик у ноги Кати: «Так вот откуда у нас этот табурет».

Катя рассказывает, что ящик и правда долго служил табуретом. Заказывали они тогда только то, без чего нельзя было открыться.

Катя выходит на крыльцо и смотрит на окно с улицы. В нижнем углу остался прямоугольник чище остального стекла: там до вчерашнего дня висело объявление о поиске мастера. Рядом на подоконнике внутри видна белая каёмка блюдца под алоэ. Катя думает, не убрать ли горшок с витрины совсем. Потом решает дождаться, пока наклеят фотографию. За утро она уже приняла достаточно решений о том, что будет видно с тротуара.

На пятницу она оставляет под наклейкой свободное место, чтобы потом повесить маленькое расписание. Уходя, Вика изнутри прикладывает к стеклу палец, показывает, где край должен пройти относительно рамы. С улицы её ноготь кажется почти чёрным. Катя поднимает руку, чтобы Вика передвинула палец на два сантиметра выше, и обе начинают смеяться: они уже объясняются через витрину, на которой пока ничего нет.

У Кати в заметках оказываются сразу две сметы. Одну можно проверить: сколько она вправду получит за смену, что нужно отложить к сроку платежа, во что обойдётся поездка. Во второй — все те расходы, без которых ей, как она боится, перестанут радоваться. Там нет общей суммы. Сколько стоит быть хорошей подругой? На этот вопрос нельзя ответить в рублях, но можно очень убедительно ошибиться с ценой.

Чужой праздник способен выявить разницу в доходах, особенно если до этого подруги встречались только дома или в кофейне. Та, у которой больше свободных денег, может искренне не понимать, почему другой приходится выбирать между платьем и привычной тратой на себя. Обе привыкли к собственным числам. Если Лена предлагает одно место, а Катя знает, что не потянет его, полезно обсуждать само решение, пока оно ещё обратимо. Время на расчёт тоже можно попросить. Пауза на два дня оставит им больше вариантов, чем немедленное согласие и отмена накануне.

В смете важно различать то, что необходимо, то, что хочется, и то, за что уже кто-то отвечает. Если фотограф нужен не Кате, ей не обязательно выбирать фотографа. Если ей хочется пойти в красивом платье, это желание имеет право остаться в списке. Если вечер обходится слишком дорого, можно предложить способ прийти с меньшими расходами. Для этого не нужно ни объявлять свою зарплату на весь чат, ни извиняться за чужие возможности.

Есть разговор, который лучше провести отдельно от всех остальных. Слово «свидетельница» может означать разное для каждой из подруг. Одна услышит приглашение встать рядом, другая вспомнит, что кому-то надо развезти гостей. Когда человек говорит «да», хорошо бы знать, чему именно он согласился. Катя пока ещё соглашается со всем сразу, но может спросить про один пункт. Например, надо ли ей в день свадьбы распоряжаться за столом или она сможет сесть вместе со Славой.

Такой вопрос помогает вернуть празднику его размер. Вечером, когда будет убран торт и выключат музыку, обе вернутся к своей обычной жизни. Стоит оставить немного денег, времени и сил и на неё.

⁂

В начале октября Катя идёт в торговый центр за платьем.

Она берёт с собой Вику, потому что Вика говорит правду.

Они меряют шесть платьев. Катя смотрит в зеркало и видит женщину тридцати восьми лет, у которой хорошая фигура, усталое лицо и руки, которые она прячет за спину.

— Вот это, — говорит Вика.

Катя смотрит на ценник.

Сорок две тысячи.

— Оно красивое, — говорит Вика.

— Оно красивое, — соглашается Катя.

— Ты его наденешь один раз, — говорит Вика.

— Я знаю.

— И оно будет висеть в шкафу.

— Я знаю.

— Зачем тогда?

Катя пожимает плечами.

— Затем, что там будут фотографии. Их будут смотреть двадцать лет, и никто ни разу не спросит, сколько оно стоило.

Она стоит в примерочной и держит в руках платье, из которого уже выросла наполовину, потому что примерочная маленькая, а она большая.

Продавщица приносит терминал.

— Картой?

Катя смотрит на платье.

На первую свадьбу она купила сиреневое платье за шесть тысяч и чувствовала себя в нём свидетельницей из журнала. Сейчас покупает серое за сорок две и надеется, что в нём ей не придётся объяснять, сколько оно стоило.

Она не берётся перевести ту давнюю покупку в сегодняшние деньги. Помнит только, с каким облегчением тогда увидела себя в зеркале.

— Картой, — говорит Катя.

Потом говорит:

— Беру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.